ОТ РЕДАКЦИИ

И началось! Наша новая рубрика шагает по стране! Все, кто может есть, — с нами! Общество потребления предстает во всей красе. Потребляем! Жрем! Приятного аппетита!

Наш с Анечкой низенький детский столик одной стороной своей поверхности касается стены, другой — обшивки рабочего кухонного стола. У двух оставшихся сторон на светлых деревянных стульчиках сидим мы. В тарелках перед нами — остывающий зеленый борщ, приготовленный по всем правилам кулинарной науки. Мелко-мелко искрошенное яйцо и ложка сметаны держатся островками в центре тарелок. Не перемешивая содержимого, мы с кислыми рожицами нацеживаем в ложки жижицы у края, глотаем, пересиливая себя. Маме невмочь присутствовать при этом представлении, повторяющемся три раза на день. Рано утром она бегала на рынок — выбрать кусочек нежирной молодой свининки, наилучше подходящей для готовки кислых щей, и пучок свежайшего щавеля, и... Нет, она не выдерживает. Всякий раз мы являемся к столу, как приговоренные на казнь. Худющие, кожа да кости, бледные, как поганки, мы напрочь лишены аппетита, и то, что все-таки съедаем, заталкивается в нас под долгие уговоры, посулы и запугивания. Мы тянем время. Мы знаем, что вот-вот у мамы лопнет терпение, и она в отчаянии удалится, крикнув, что пока все до капельки не будет съедено, мы не выйдем из-за стола. Тогда, пользуясь минутой, мы вылавливаем из тарелок мясо и, стремясь метнуть подальше, швыряем его в узкий просвет между стенкой и тумбой рабочего стола. Управившись, лениво помешиваем постылые порции, кривясь, касаемся ртами пустых ложек. В соперничестве — кто кого пересидит — в конце концов сдается мама. Мы ждем, ждем и дожидаемся, когда она врывается со словами:

— Так, съешьте мясо — и можете выметаться!

— Мы уже! — отвечаем в один голос и с одинаковой претензией обвиняемых понапрасну.

Мама исследует содержимое тарелок и, утешившись, что хоть мясо-то съедено, машет рукой, даруя нам счастье быть вольными.

Ничуть не предполагая скорого разоблачения, мы пользуемся изобретенной уловкой от присеста к присесту, пока в кухне не появляется запах издохшей под досками пола крысы.

К выходному, когда вонь становится нестерпимой и под рукой оказываются физические возможности отца, громоздкий полусервант, заполненный по внутренним полкам фаянсовой, что попроще, посудой и всяческой кухонной утварью, сдвигается в сторону от стены...

Мама все понимает мгновенно. Отцу, чтобы взять в толк, требуется какое-то время. Что он понял, мы узнаем по взгляду, брошенному им на маму. Он глянул вдруг так, словно она ударила его.

— Это... — страшно переменившись в лице, произносит он, не зная, что сказать. — Ты! — выкрикивает маме с ненавистью. — Ты!..

Он задыхается, дрожащим всхлипом рвет в себя воздух.

Мама пятится в испуге, но руки выбрасывает к нему — готовая спасать.

Взглядом и рывком головы отринув ее жест, он кричит:

— Ты понимаешь — кого... Мы!..

Ей не до расшифровок его мысли, она тянется остановить страшное.

— Мы! Барчуков! Сволочей! — кричит он, чуть не плача.

— Вы! — поворачивается к нам с Аней и ни в чем не повинной почти уже взрослой Талочке. — У-у!..

Закаменевшие от испуга и чувства ужасающей, хотя еще и не осмысленной по-настоящему вины, мы стоим навытяжку. С руками, все так же протянутыми к нему, мама смещается, заслоняя нас.

Приняв ее как что-то такое, подступать к чему у него нет права, отец — из-за ее рук с раскинутыми в стороны пальцами, из-за ее плеча:

— Вы!.. Там с вами бегают во дворе... Они многие этого мяса... Неделями такусенького кусочка не видят!

— Да знаю я, знаю, — обращаясь к маме, говорит он упавшим вдруг голосом — убито и без всякой надежды. — Знаю, что все это как об стенку горохом!

Мама подступает к нему, но тронуть не смеет. Он медленно и тяжело опускает лицо.

— Как все-таки правильно, что скоро меня не станет, — говорит, словно уже себе самому — с согласием, что да, правильно, но без восклицания, а с какой-то не смирившейся еще с этим его знанием заторможенностью. — Тогда они сами... Собственной шкурой... — заканчивает, и желая, и не желая нам того, что будет.

г. Харьков